

Виктор Аксюциц

Виктор Владимирович Аксюциц – российский философ, богослов, политик, государственный советник I-го класса. В 1978 году окончил философский факультет МГУ. Самостоятельно изучал русскую религиозную философию. С 1987 года с Глебом Анищенко издавал литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор». В 1990–1997 годах – лидер Российского Христианского демократического движения. В 1990–1993 годах – народный депутат РФ, председатель Подкомитета по связям с зарубежными организациями Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести. Создал и возглавлял депутатскую группу «Российское единство». Инициатор и соавтор закона РСФСР 1990 года «О свободе вероисповеданий», – отменены ленинские и сталинские декреты о религии, распущен Совет по делам религий (орган режима государственного атеизма), предоставлены свободы религиозной деятельности, утверждён в качестве выходного день Рождества Христова, религиозная деятельность освобождена от налогов. В 1997–1998 годах – советник первого вице-преьера Правительства России, курировал работу правительственной Комиссии по идентификации и захоронению останков российского императора Николая II и членов его семьи. По своим убеждениям монархист. Женат, восемь детей, много внуков и правнуков.

ИЗ КНИГИ «ОПЫТ САМОСОЗНАНИЯ»

Главным делом моей жизни всегда являлось творческое призвание. Даже в самые трудные времена работал над книгами, над главной из них – богословско-философской «Под сенью Креста». Складывался историософский массив будущей книги «Миссия России», затем серии книг «Миссия России». В начале девяностых я отвечал в одном из интервью: *«Всё моё свободное время отдаётся творчеству, то есть моему творческому призванию. Для меня очень важно выполнить свой долг. Каждый человек – это вечная душа, посланная Богом в этот мир для выполнения своей миссии. И я бы, конечно, был очень огорчён, если бы не выполнил главного своего назначения – философского и богословского. Я боюсь умереть неподготовленным. И конечно, я бы хотел выполнить долг перед своими близкими».*

Сферы моих творческих интересов: богословие, христианская философия, историософия, история России, культурология, политология. Вполне успешная практика в политике была вынужденным служением и сопровождалась творческим угнетением и депрессивными состояниями. Эволюцию своих философских взглядов я как-то характеризовал как *«типичный для русской интеллигенции путь от марксизма к идеализму и православию».* На философском факультете МГУ почти все кафедры были нацелены на марксистско-ленинскую философию: кафедры диалектического материализма, исторического материализма, научного коммунизма, истории марксистско-ленинской философии, марксистско-ленинской этики, марксистско-ленинской эстетики... Собственно философию можно было изучать только на кафедре истории зарубежной философии. Поэтому писал курсовую по «Монадологии» Лейбница, диплом «Проблема соотношения философии и теологии в неопротестантизме Пауля Тиллиха», диссертацию «Проблема человека в экзистенциализме Николая Бердяева и диалектической теологии Пауля Тиллиха». Но сферой сугубых интересов была русская религиозная философия, которую приходилось изучать самостоятельно по *самиздату* и *тамиздату*. Тематически и концептуально мои работы – в традиции русской христианской философии XX века, которую характеризовали как *неопатристика*, синтезирующая учение Отцов Церкви и современную философию в ответах на вызовы эпохи. Мой друг Гена Галкин, читающий все мои работы, после прочтения практически всего массива русской философии писал, что в моём творчестве сходятся традиции онтологизма Вл. Соловьёва, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка

и христианского персонализма и экзистенциализма Ф. М. Достоевского, Н. А. Бердяева, Л. Шестова. Эту позицию Геннадий охарактеризовал **персоналистическим онтологизмом**. «Под сенью Креста» – главный богословско-философский труд, основная тема которого: Богочеловеческий диалог в процессе миротворения. Крест и Голгофа Бога и человека – начало и конец сущего, мировая история – кровотечение ран Распинаемого Бога, назначение человека – крестонесение бытия – со-творчество Богу, а жизнь – непрекращающееся распятие. Под сенью Креста открываются глубины миротворения и бытия, подлинный смысл назначения человека и человечества. Углубление в Новозаветное Откровения Креста, Голгофы и Воскресения Богочеловека позволяет обнаружить новый и вместе с тем укоренённый в христианской традиции смысл основных богословско-философских проблем: творения и грехопадения, воплощения вечной души, бытия, теодицеи, свободы, богоподобной личности как «малого творца» бытия, христианской космогонии и космологии, происхождения и природы зла, смысла истории, апокалипсиса и эсхатологии.

В концепции историософии России утверждается, что народ – соборный организм, имеющий вечную соборную душу, которая отражает творческий замысел Бога о народе и ответный помысел народа о себе – о своей творческой миссии в бытии. Судьбу русского народа определяют: **духовный генотип** – вечная душа и историческое предназначение, которым Творец наделил народ; **этнический генотип** – природные свойства народа, вобравшего множество этносов; **духовный архетип** – воспитание народа Православием; **исторический архетип** – влияние экстремальных природных и геополитических условий выживания на просторах Евразии. Кажущаяся архаичной формула «Православие. Самодержавие. Народность» указывает на **жизнесозидающие константы** в судьбе народа: духовный и исторический архетипы, а также этнический генотип. Много написано о феноменах историософии России: русская идея, русский характер, становление русского мировоззрения, первый раскол в душе народа – результаты спора монашеских течений «нестяжателей» (последователей преп. Нила Сорского) и иосифлян, «стяжателей» (сторонников преп. Иосифа Волоцкого), церковный раскол XVII века, тираническая революция Петра I, «первородный грех» русского дворянства, «орден русской интеллигенции» – ориентированный на иллюзию «Русского Запада», духовная революция в России XIX века, историософские причины русских катастроф и **идеократии** XX века – тотальной власти радикальной идеологии. Невероятные исторические испытания, воздействие ряда фатальных, роковых и inferнальных факторов, а также заблевание национальной элиты – **идеомания** (идеологическая мания), соблазнённость богоборческими идеологиями – ввергли русский государствообразующий народ в XX веке в череду глобальных катастроф, обновление, пережившего смертельную (прежде всего духовную) болезнь народа возможно при обращении к духовным истокам русской православной цивилизации. Поиск современных форм общественно-политического возрождения России складывается в концепцию «просвещённого патриотизма» и «просвещённого национализма».

Если существенный критерий истины – **универсальность**, то мне удалось создать наброски наиболее универсальной картины бытия в традиции русской философии. Хотя изначально я не ставил такой задачи, всё сложилось по творческому вдохновению, и не для того, чтобы кому-то что-то объяснить, а так как я не мыслил жизни без ответа самому себе на бытийные вопросы. В книге «Под сенью Креста» рассмотрены основные темы христианского богословия: творения-грехопадения, троического богословия, софиологии, персонализма, свободы, природы зла, смысла истории и апокалиптических, эсхатологических завершений. Только закончив труд, я обнаружил, что следовал библейскому предуказанию: начал с анализа начала Книги Книг – «*В начале сотворил Бог небо и землю*» (Быт. 1: 1), и закончил озарениями апокалиптическими и эсхатологическими. Я сознаю, что изображаемая мною картина бытия только пунктирно обозначена, а открывающаяся реальность неизмеримо сложнее. Некоторые темы не лишены первоначального упрощения, они являются скорее указателями, в какую сторону стоит, я убеждён, «копать» дальше. На основе богословской и религиозно-философской концепции книги «Под сенью Креста» (а богословие и религиозная философия создают ключи к познанию всех уровней бытия, вплоть до сопромата и деталей машин, – их изучал в мореходке) набросал абрис мироустройства (теогония, космогенез, космология, природа природы...) и назначения человека в бытии. Далее о смысле истории (историософия), об историософии России, проблемы культурологические, политологические, общественные и политические...

Моё скитальчество, надеюсь, закончилось, я обрёл свой дом во всех смыслах. Жизнь складывается удивительно разнообразно. Моё любимое призвание – философия, в политику и в общественную жизнь я окунался вынужденно, но именно это отнимало большую часть моих сил и времени, политические периоды, даже успешные, как и «шабашка», сопровождалась депрессиями. Может быть, поэтому я не закончил что-то важное из моих философских грёз. В большинстве случаев приходилось вслепую пробиваться к цели, которую не вполне сознавал, но остро чувствовал. Как правило, осуществлял **свои** проекты и во всякой ситуации стремился обрести собственную нишу: *зачем делать то, что другие сделают лучше меня, я буду делать то, что никто другой не сделает*. Понятно, что большинство моих инициатив не приводили к результату, но удач хватало, чтобы считать такой подход вполне эффективным.

После захоронения императорской семьи в 1998 году все мои концептуальные и организационные инициативы не принимались властным и культурным слоем, что говорит о том, что я оставался чуждым и для идейно близкого из всех государственных режимов, которые я пережил. Тем не менее каждый период в моей жизни, каждое творческое осознание и общественное усилие не проходили бесследно, оказывались судьбоносным подготавливанием последующих прорывов и удач. Условия вокруг меня меняются, но мои принципиальные взгляды остаются неизменными. Из-за того что действовать приходилось по ситуации – отбиваться то слева то справа, мои общественные и политические позиции квалифицировались в общественности по-разному. Необходимость во имя внутреннего повеления игнорировать, отрицать или преодолевать господствующие мнения и образ жизни во все периоды оставляли меня в экзистенциальном одиночестве.

В сознательном возрасте я никогда не вписывался в общепринятые социальные формы, всегда приходилось конструировать собственную систему жизнеобеспечения. Во всякой среде я был пришельцем и чужаком. Вместе с тем как-то адаптировался в обществе и ориентировался в его проблемах. У меня всегда были задушевные друзья, но не было творческих единомышленников (кроме нескольких самых близких людей, понимал и принимал меня сполна только Гена Галкин, рано покинувший нас), а также профессиональных собеседников, с которыми можно было бы обсуждать своё заветное. С ушедшими русскими мыслителями мировоззренчески я чувствую большее родство, чем с современниками, в истории у меня больше единомышленников, чем в наши дни. И с современниками мне интереснее дискутировать на страницах статей и книг, нежели лично. Я скорее отношусь к *религиозно-философской вольнице*, которая характерна для традиции русской мысли.

Эта внекорпоративность имеет свои достоинства и свои слабости. Тяжелее всего было большую часть сил тратить на борьбу за выживание, а не на творчество. Зато в завоеванной творческой сфере я свободен, не обязан выполнять какие-либо корпоративные ритуалы и произносить пароли, не оглядываюсь на профессиональные и конфессиональные авторитеты, независим от расхожих предрассудков. Но поэтому же я могу быть субъективным, предвзятым, не вполне профессиональным. Судьба не предоставила мне получить глубокое и разностороннее образование, я не знаю других языков, у меня плохая память на даты и факты (познанное в своих наработках вбивается в память), и потому недостаточно знаю историю. Таковой опыт философского маргинала даёт возможность сосредоточиться на главном и многое видеть нетривиально. Были периоды творческого напряжения, когда мне трудно было читать серьёзные тексты, ибо тут же фонтанировала своя творческая фантазия, – только успевай зафиксировать. Я отдаю себе отчёт, что не владею многим в мировой философии, но не только потому, что изначально не получил глубокого образования, я сознательно отходил от изучения текстов, если они были чужды моей творческой интуиции. Я успел набросать мазки грандиозной картины, которая может привлечь кого-то последовать этому измерению экзистенции и просветить первоначальные догадки... То, что я пишу, ценно как личное свидетельство, индивидуальное видение, которое не претендует на объективность и научность в общепринятом смысле. Я формулировал не для читателя, не для того чтобы доказать кому-то что-то, а, прежде всего, для себя: без прояснения этих смыслов я не мог жить. Может быть, это и есть наиболее экзистенциальный подход в философии... Это частное богословское и философское мнение, которое будет «переварено» в соборном разуме и христианства, и профессионального сообщества. Такая позиция оправданна, ибо, как говорил Николай Бердяев, *«Истина открывается в субъекте, а не в объекте»*. А я убеждён в истинности своей позиции. Вместе с тем я уверен, что, как я писал в «Дневнике самосознания»: «21.05.85. *То, что я делаю, послужит к очищению религиозной совести православия и к духовному единению христианских церквей*».

При всей грандиозности картины, абрис которой мне удалось набросать, я сознаю, что это только начало пути в **иное измерение сознания**. Закономерно, что некоторые мои образы и мысли со временем, если и когда они разовьются в сложные концепции, могут выглядеть наивными. Это неизбежная плата за творческое дерзание. Поясню по аналогии с учением «Философия общего дела» русского философа **Николая Фёдорова**. Безусловно веря в грядущее телесное воскресение и бессмертие людей как победу над «*последним врагом*» – смертью, он не мог смириться с окончательной смертью даже одного человека. Его заветной мечтой было воскрешение всех людей. Он полагал, что рано или поздно наука откроет возможности собирать рассеянные молекулы и атомы, «*чтобы сложить их в тела отцов*». Естественно, возникал вопрос, как все воскрешённые поколения разместить, и взор философа обратился к космосу. Эта установка побуждает к научно-техническим поискам средств доставки в космос и расселения людей на других планетах. При наивности общих рассуждений его общепланетарное задание, а также устремлённость к космической экспансии безмерно расширили горизонт сознания многих последователей Фёдорова, что сложилось в традицию «русского космизма», с ноосферным мировоззрением **В. И. Вернадского**. Космическое измерение захватило творческое воображение **К. Э. Циолковского**. Его космическая философия, преисполненная утопических и научно-фантастических проектов, не исключала формулирования прорывных идей, в частности, в работе с говорящим названием «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Он впервые предложил использовать на космических ракетах жидкое двухкомпонентное топливо. В 1929 году он описал «ракетный поезд» – «*соединение нескольких одинаковых реактивных приборов*»... В инициированной Циолковским атмосфере технического исследования космоса формировались и устремления **Сергея Королёва**, – начиналась эпоха грандиозного освоения Вселенной...

Я отдаю себе отчёт, что мои концепции радикально отрицают некоторые общепринятые в христианской традиции представления. Традиционные – не значит истинные, ибо устоявшиеся по каким-то историческим причинам взгляды не обязательно истинны. В этой связи я наблюдаю и предвижу несколько фаз отношений к моим текстам после того, как начал трансляцию их на более широкую публику – в видеобеседах и лекциях. Богословскую и философскую книгу «Под сенью Креста» мало кто берёт в руки, а из читающих мало кто доходит до её понимания. Поэтому ныне – это период своего рода молчания по этому поводу. Следующий закономерный этап, когда поверхностно познакомившиеся с моими текстами начнут радикальную полемику. Поскольку на этом уровне вступить в полемику, по существу, некому, противопоставить моим смыслам, по существу, нечего, то полемика будет сводиться к ругани, затем при отсутствии аргументов – к шельмованию и обвинению в ереси. У меня хватает духовной брони выдержать этот враждебный шквал. Вряд ли я доживу до этапа, когда начнут мои тексты постепенно осознавать, что требует расширения сознания, самоуглубления, сверхрефлексии... В том числе трансформации христианского сознания. По закономерностям мира сего для осознания того, что представляет собой мой творческий феномен, требуются десятилетия, если не столетия. Со своей стороны я делаю всё, чтобы дистанцию осознания сократить.

Я уверен, что мои философские изыскания рано или поздно раскроют перспективы новой формы познания, вплоть до прагматического эффекта в области новотехники. Сейчас вполне фантастически звучат некоторые рассуждения в главе «Космическое воплощение», измерение мировых энтелехий... Идущим вслед откроется картина неизмеримо более сложная, в которой мои творческие фантазии могут оказаться элементарными. Но главное – творческий порыв и прорыв в новые измерения бытия...

